

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-310-330>

EDN: DGBAFL

Научная статья / Research Article

Международно-правовой механизм легитимации военной операции США и их союзников в Сирии: для учёта в международно-правовой политике России

А.М. Корженяк

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва,
Российская Федерация
 mihkor@gmail.com

Аннотация. С учётом повышения состязательности международно-правовых позиций государств внимательное изучение конкретных случаев разработки и воплощения зарубежными странами (прежде всего США) механизма легитимации вооружённых вторжений на территории иностранных государств является актуальным для обогащения отечественной науки и стимулирования разработки собственных новаторских идей в целях повышения качества международно-правовой политики России, в том числе международно-правового сопровождения СВО на Украине. Анализ опыта других стран позволяет выявить закономерности, способные облегчить прогнозирование дальнейших международно-правовых манёвров этих государств, обнаружить слабые места, противоречия, которые, во-первых, следует избегать самим, а, во-вторых, стратегически использовать для оказания надлежащего воздействия на преобладающее на данный момент прозападное международное правосознание. Цель исследования – выявить содержание международно-правового механизма легитимации военной операции США и их союзников в Сирии. Материалы исследования – документы международного и национального характера, международно-правовая литература, материалы СМИ. Применён интегративный подход с использованием методов юридического толкования, аналогии, институционального анализа, правового моделирования. В результате исследования предложено выделять три блока используемых США аргументов в пользу правомерности применения силы в Сирии начиная с 2014 г., развивавшихся ими на различных этапах развития конфликта: гуманитарная интервенция/терминология концепции «обязанности защищать» (R2P); право на (коллективную) самооборону; «предвосхищающая (упреждающая) гуманитарная интервенция». Развитие этих доводов подпитывается изобретательными международно-правовыми концепциями: «упреждающей самообороны», «неминуемой угрозы», «односторонних военных действий против государств, угрожающих международной безопасности», «национальной самообороны против неминущей или постоянной угрозы», «критерием нежелания или неспособности», теориями «защиты граждан США за рубежом», «накопления событий». Таким образом, столь обширная и разнородная юридическая аргументация затмевает отсутствие формулирования Советом Безопасности ООН политики

© Корженяк А.М., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

по урегулированию кризиса путём вооружённого вмешательства и вывода о том, что он может быть урегулирован только посредством применения силы.

Ключевые слова: интервенция в Сирию, международно-правовая легитимация, гуманитарная интервенция, концепция «обязанности защищать», коллективная самооборона, упреждающая самооборона, превосходящая гуманитарная интервенция, «критерий нежелания или неспособности», доктрина «неминуемой угрозы»

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 01 января 2025 г.

Принята к печати: 15 апреля 2026 г.

Для цитирования:

Корженяк А.М. Международно-правовой механизм легитимации военной операции США и их союзников в Сирии: для учёта в международно-правовой политике России // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 2. С. 310–330. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-310-330> EDN: DGBAFL

International Legal Mechanism for Legitimizing the Military Operation of the United States and its Allies in Syria: Implications for Russia's International Legal Policy

Anastasia M. Korzhenyak

Moscow State Institute of International Relations (University), *Moscow, Russian Federation*
 mihkor@gmail.com

Abstract. Given the increasingly adversarial character of states' international legal positions, a detailed case study of the development and implementation of mechanisms used by foreign states (primarily the United States) to legitimize armed incursions into foreign territory appears timely and warranted. Such an inquiry is relevant both for enriching Russian legal scholarship and for stimulating the development of innovative approaches aimed at improving the quality of Russia's international legal policy, including the international legal support of the special military operation in Ukraine. Analyzing the practice of other states makes it possible to identify patterns that may facilitate the prediction of their future international legal maneuvers and to reveal weaknesses and inconsistencies that should be avoided domestically and, where appropriate, used strategically to influence the currently prevailing pro-Western international legal consciousness. The purpose of this article is to identify and reconstruct the content of the international legal mechanism used to legitimize the military operation conducted by the United States and its allies in Syria. The research materials consist of international and national documents, international legal literature, and relevant media sources. Methodologically, the study employs an integrative approach, drawing on methods of legal construction, analogy, institutional analysis, and legal modeling. The analysis suggests that, since 2014, the United States has relied on three principal sets of arguments to defend the lawfulness of the use of force in Syria, elaborated at different stages of the conflict: (1) humanitarian intervention and the associated “responsibility to protect” (R2P) discourse; (2) the right to (collective) self-defense; and (3) “anticipatory (preemptive) humanitarian intervention”. The development and refinement of these argument clusters have been underpinned by a large range of inventive international legal constructs, including “preemptive self-defense”, “imminent threat”, “rogue states”, “national self-defense against an imminent or continuing threat”, “the unwilling or unable test”, “protection of US citizens abroad”, and “the accumulation of events” theory. Taken together, this

extensive and heterogeneous body of legal reasoning tends to obscure the absence of any UN Security Council decision formulating a policy of armed intervention to resolve the Syrian crisis or a determination that the crisis could only be addressed through the use of force.

Key words: intervention in Syria, international legal legitimation, humanitarian intervention, responsibility to protect (R2P), collective self-defense; preemptive self-defense, anticipatory humanitarian intervention, “unwilling or unable” test, “imminent threat” doctrine

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the published article.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 01st January 2025

Accepted: 15th April 2026

For citation:

Korzenyak, A.M. (2026) International Legal Mechanism for Legitimizing the Military Operation of the United States and its Allies in Syria: Implications for Russia’s International Legal Policy. *RUDN Journal of Law*. 30 (2), 310–330. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-310-330> EDN: DGBAFL

Введение

Как выразился бывший юрисконсульт Госдепартамента США, ныне профессор международного права Йельской школы права, Г. Х. Ко, «в обязанности юриста не входит просто повторять, что „правило есть правило“, особенно когда так называемое „правило“ не настолько чёрно-белое, как некоторые утверждают», поэтому всегда необходимо искать «лучший юридический ответ»¹ для легитимации поведения государства, его международно-правовой позиции².

Следует признать повышение изобретательности американских юристов при продумывании механизма международно-правовой легитимации вторжения в Сирию в 2014 г. по сравнению с интервенциями в Ирак в 2003 г. (Vylegzhanin & Korzenyak, 2025a; Vylegzhanin & Korzenyak, 2025b) и в Ливию в 2011 г. (Korzenyak, 2025a; Korzenyak, 2025b). Действительно, решение о применении силы в Сирии потребовало «новаторского доктринального обоснования» (Hughes, 2019:922), стимулированного в том числе оказанным прежде всего Россией и Китаем противодействием очередному использованию концепции «обязанности защищать» (*the responsibility to protect*, далее также – R2P)³ в целях смены режима.

Было несколько факторов, обусловивших столь отличную от ситуации с Ливией реакцию Совета Безопасности ООН (далее – СБ ООН) на сирийский кризис. Во-первых, уровень региональной поддержки был различным. Быстрое осуждение Лигой

¹ Koh H. H. Syria and the Law of Humanitarian Intervention (Part III – A Reply). Blog of the European Journal of International Law (October 12, 2013). URL: <https://www.ejiltalk.org/syria-and-the-law-of-humanitarian-intervention-part-iii-a-reply/> (дата обращения: 12.07.2024).

² См. подробнее о вопросах толкования и применения понятия «международно-правовая легитимация»: (Korzenyak, 2024:162–183).

³ Letter dated 26 July 2002 from the Permanent Representative of Canada to the United Nations addressed to the Secretary-General, transmitting the Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty entitled “The Responsibility to Protect” (December 2001). A/57/303. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/474192?ln=fr&v=pdf> (дата обращения: 16.09.2023); резолюция Генеральной Ассамблеи ООН (далее – ГА ООН) от 16 сентября 2005 г. № 60/1 «Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.». URL: <https://docs.un.org/A/RES/60/1> (дата обращения: 03.05.2024).

арабских государств (далее – ЛАГ) действий ливийского президента М. Каддафи и призывы к созданию бесполётной зоны в Ливии контрастировали с её первоначально осторожной реакцией на ситуацию в Сирии. Ливан, единственный тогда член ЛАГ в СБ ООН, настаивал на том, чтобы СБ принял меры в отношении Ливии, но при этом первоначально защищал сирийское правительство. ЛАГ начала играть ведущую роль в сирийском кризисе только во второй половине 2011 г. Во-вторых, в то время как значительное число ключевых ливийских чиновников отвернулось от режима и подало в отставку (включая руководство постпредства Ливии при ООН), в Сирии правящий режим сохранил официальную лояльность большинства высокопоставленных правительственных чиновников в первые месяцы кризиса. В-третьих, статус Ливии как «государства-изгоя», не имеющего влиятельных союзников, контрастирует с Сирией, поддерживающей тесные отношения с Россией и Ираном. В-четвёртых, публичные заявления Каддафи о том, что он «очистит» страну от «тараканов», были расценены как «подстрекательство к совершению преступлений против человечности», в то время как президент Б. Асад делал примирительные заявления о том, что «сирийская армия не нападает на мирных жителей, а только на террористов». Наконец, некоторым членам СБ ООН не хотелось ввязываться в ещё одну вооружённую интервенцию (Momani & Nakak, 2016:897).

С учётом описанной сложившейся ситуации проанализируем, какую международно-правовую квалификацию фактических обстоятельств предложили США, а также какие международно-правовые аргументы в пользу легитимности вооружённого вторжения в Сирию в зависимости от фактических обстоятельств на различных стадиях развития конфликта прорабатывались юристами Госдепартамента.

Предложенные США международно-правовые оценки фактов

Вашингтон активно продвигает на дипломатических площадках и в медиапространстве своё восприятие происходящих событий в Сирии и устраивающие их международно-правовые оценки этих фактических обстоятельств. Так, заявляется, что с марта 2011 г. правительство и оппозиционные группировки в Сирии находятся в состоянии вооружённого конфликта. Положило начало затянувшемуся кризису якобы «жестокое подавление» президентом Б. Асадом протестов в 2011 г., которое быстро переросло в вооружённый конфликт международного характера в масштабах всей страны, характеризующийся «массовыми зверскими преступлениями, включая применение химического оружия»⁴. «В районах, находящихся под контролем правительства, систематически происходят произвольные аресты, пытки, насильственные исчезновения и смерть в заключении; в районах, ранее удерживаемых оппозицией, правительство вводит произвольные ограничения на свободу передвижения и лишает людей их собственности»⁵. С 2011 г. зафиксировано более 130 тыс. случаев произвольных задержаний, похищений или исчезновений, в большинстве случаев «по вине правительства».

В ходе конфликта «сирийские правительственные войска были усилены российскими ВКС», авиаудары которых начались в сентябре 2015 г. С начала конфликта

⁴ Как Сирию обвиняли в применении химического оружия. ТАСС, 9 апреля 2018 г. URL: <https://tass.ru/info/5108148> (дата обращения: 03.06.2024).

⁵ Комиссия по расследованию ситуации в Сирии: в этом конфликте нет участников с незапятнанными руками. ООН, 15 сентября 2020 г. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/09/1385802> (дата обращения: 03.06.2024).

погибло не менее 580 тыс. человек, включая более 306 тыс. гражданских лиц, согласно данным Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ). Почти 13 млн человек были вынуждены покинуть свои дома, включая 6,7 млн сирийских беженцев⁶.

Как утверждает, тяжёлая ситуация в Сирии является «следствием неспособности Совета Безопасности ООН привлечь виновных к ответственности». С 2013 г. СБ ООН принял десятки резолюций по ситуации в Сирии, однако «ни одна из них не была выполнена в полном объёме, а сирийское правительство напрямую нарушило многие из них». Россия и Китай совместно наложили вето на десять проектов резолюций по Сирии, и отдельно РФ наложила вето ещё на восемь, «систематически выгораживая Сирию от привлечения к международной ответственности»⁷. Постоянный представитель США при ООН С. Райс заявила, что голосование отражает, что «два постоянных члена СБ ООН готовы защищать Асада до победного конца»⁸.

Заявляется, что с каждой «неудачей СБ ООН» в привлечении сирийского правительства к ответственности за свои действия «силы президента Б. Асада применяли всё более жёсткие вооружённые меры». В результате Сирия превратилась в «худший в мире случай продолжающихся массовых зверств, перемещения гражданского населения и гуманитарной катастрофы» (Adams, 2015:5).

Представление и интерпретация фактов в подобном ключе продолжают и по сей день. Так, в докладе УВКПЧ говорится, что задокументированы «нарушения и злоупотребления», в том числе совершённые сирийским правительством, среди них упомянуты «произвольные задержания, пытки и жестокое обращение, сексуальное и гендерное насилие, насильственные исчезновения и похищения»⁹. Делается особый акцент на том, что даже несмотря на принятое 16 ноября 2023 г. Международным Судом ООН (далее – МС ООН) постановление о временных мерах¹⁰, обязывающее Сирию в соответствии со своими обязательствами по Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. принять все зависящие от неё меры для предотвращения таких актов, сирийское правительство якобы продолжает их совершать, в том числе «намеренно препятствует усилиям семей узнать о судьбе и местонахождении своих близких»¹¹.

⁶ Syria. Global Centre for the Responsibility to Protect, Ralph Bunche Institute for International Studies, New York, May 31, 2024. URL: <https://www.globalr2p.org/countries/syria/> (accessed: 03.06.2024).

⁷ Remarks at a UN General Assembly Meeting, Ambassador Richard Mills, Deputy U.S. Representative to the United Nations “Following Russia’s Veto of a UN Security Council Resolution on the Syria Cross-Border Humanitarian Mechanism” (July 21, 2022). URL: <https://sy.usembassy.gov/remarks-at-a-un-general-assembly-meeting-following-russias-veto-of-a-un-security-council-resolution-on-the-syria-cross-border-humanitarian-mechanism/> (accessed: 15.03.2024).

⁸ Gladstone R. *Friction* at the U.N. as Russia and China Veto Another Resolution on Syria Sanctions. The New York Times, July 19, 2012. URL: <https://www.nytimes.com/2012/07/20/world/middleeast/russia-and-china-veto-un-sanctions-against-syria.html> (accessed: 15.03.2024).

⁹ См., напр.: Report by the UN Human Rights Office “The Dire Human Rights Situation Facing Syrian Returnees” (February 2024). URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/countries/syria/20240209-report-syrian-returnees.docx> (accessed: 15.03.2024).

¹⁰ Application of the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (Canada and the Netherlands v. Syrian Arab Republic), Order of 16 November 2023. ICJ. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/188/188-20231116-ord-01-00-en.pdf> (accessed: 07.08.2024).

¹¹ Syria. Op. cit. (May 31, 2024).

Особенно эффективен неумоимо применяемый приём «обличения» правительства Сирии в «грубых нарушениях международного права», продолжающихся «на протяжении более десяти лет», что выражается в совершении «бесчисленных нападений на мирных жителей и гражданскую инфраструктуру», «военных преступлений и преступлений против человечности», за что оно остаётся безнаказанным. «Убийства, пытки и сексуальное насилие» квалифицированы в качестве инструмента «государственной политики»¹².

Ниже по мере раскрытия использованной США международно-правовой аргументации для легитимации вооружённого вторжения в Сирию дополнительно приводятся подкрепляющие эти юридические доводы и переплетающиеся с ними примеры прагматичного толкования фактов.

Использованные США международно-правовые доводы в пользу легитимности вооружённого вторжения в Сирию

В международно-правовой литературе сирийский конфликт предлагается условно разделить на три этапа: 1) «мятеж гражданского населения и вооружённое восстание» (2011–2013 гг.); 2) вовлечение «Хизбаллы» и химические атаки (2013–2014 гг.); 3) активизация «Исламского государства» (далее также – ИГ*, ранее до 29 июня 2014 г. – ИГИЛ*) и президентские выборы (с 2014 г.) (Moman & Nakak, 2016). С 8 декабря 2024 г., когда пал режим Асада после захвата оппозицией Дамаска¹³, можно говорить о четвёртом этапе кризиса. К меняющимся фактическим обстоятельствам конфликта, разраставшегося за счёт вовлечения новых участников, приспосабливались и прорабатываемые международно-правовые обоснования допустимости применить силу.

Разработанная аргументация

I. После неудачной попытки в очередной раз воспользоваться концепцией «обязанности защищать» (R2P), которая была «успешно» задействована в Ливии (Korzhenyak, 2025a; Korzhenyak, 2025b), в целях получения санкции СБ ООН формально она (её составные элементы и руководящие принципы) всё же продолжает выступать основным аргументом в пользу правомерности применения силы в Сирии на первом и втором этапах развития кризиса. Иными словами, по сути, раскручивается аргумент «гуманитарной интервенции», утверждающий, что государства могут использовать силу за рубежом для предотвращения гуманитарной катастрофы или прекращения широкомасштабных и серьёзных нарушений прав человека (граждан иностранного государства)¹⁴. Однако сразу оговоримся: Белый дом придерживается стратегии не использовать этот термин прямо выраженным образом (зная, что натолкнётся на противодействие в СБ ООН, особенно после неудачи с

* Решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С его деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

¹² Syria. Op. cit. (May 31, 2024).

¹³ CNN. December 8, 2024: Syria civil war news. URL: <https://edition.cnn.com/world/live-news/syria-civil-war-12-08-2024/index.html> (accessed: 09.12.2024).

¹⁴ См.: Williams P. R., Ulbrick J. T., Worboys J. P. Preventing Atrocity Crimes in Syria: The Responsibility to Protect. New Atlanticist, September 10, 2012. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/preventing-atrocity-crimes-in-syria-the-responsibility-to-protect/> (accessed: 16.09.2023).

R2P), но, очевидно, что он продолжает опираться на отличительные признаки, обоснования, лежащие в основе этих смежных доктрин, пытаясь влиять на общее международное правосознание при помощи других площадок, в частности ГА ООН и Совета по правам человека (далее – СПЧ). Для продвижения «гибкого» толкования п. 4 ст. 2 Устава ООН расчёт делается на сочетание доводов о гуманитарной интервенции с другими правовыми основаниями (защитой жизни граждан за рубежом, осуществлением права на коллективную самооборону, в том числе в рамках региональных международных договоров в сфере безопасности и т. д.).

– Важным элементом обоснования становится наличие *предварительного решения Совета Безопасности ООН*, оценившего *серьёзность* конкретной ситуации и определившего её как «серьёзный кризис, угрожающий международному миру и безопасности»¹⁵: в резолюции СБ ООН № 2042 от 14 апреля 2012 г.¹⁶ представлен «план из шести пунктов» К. Аннана, нацеленный на «немедленное прекращение насилия и нарушений прав человека», «обеспечение гуманитарного доступа», содействие «политическому переходу к демократической, плюралистической политической системе»; резолюцией СБ ООН № 2043 от 21 апреля 2012 г. создана Миссия ООН по наблюдению в Сирии, МООННС; в резолюции СБ ООН № 2118 от 27 сентября 2013 г. осуждается «убийство гражданского населения» в результате применения химического оружия, подтверждается, что «применение химического оружия является серьёзным нарушением международного права»; в резолюции СБ ООН № 2139 от 22 февраля 2014 г. выражена «серьёзная тревога по поводу значительного и быстрого ухудшения гуманитарной ситуации в Сирии, в частности ужасного положения сотен тысяч гражданских лиц, оказавшихся в осаждённых районах, большинство которых осаждены *сирийскими вооружёнными силами*»; в резолюции СБ ООН № 2165 от 14 июля 2014 г. осуждаются «непрекращающиеся повсеместные нарушения прав человека и норм международного гуманитарного права сирийскими властями»; в аналогичном ключе приняты резолюции СБ ООН № 2170 от 15 августа 2014 г., № 2178 от 24 сентября 2014 г. и последующие.

– Аргумент «гуманитарной интервенции» убедителен при расширительном толковании п. 4 ст. 2 Устава ООН: исключением из общего правила о воздержании от применения силы в международных отношениях называется защита прав человека, поскольку она *совместима с целями ООН* в силу п. 3 ст. 1 Устава ООН. Применено такое толкование п. 4 ст. 2 Устава ООН, когда в качестве существенного условия данного правового положения понимается «несовместимость с целями ООН».

Показательно, что этот тезис заявлен не впервые, как минимум ещё при интервенции НАТО в Югославию использовались те же самые доводы. Бывший судья Международного Суда ООН К. Гринвуд (Великобритания) писал, что «жёсткий подход к международному праву» как запрещающему применение силы в общем и гуманитарную интервенцию в частности игнорирует тот факт, что международное право и Устав ООН «не основываются исключительно на принципах невмешательства и уважения суверенитета государства»: «ценности, на которых зиждется меж-

¹⁵ Условие наличия предварительной оценки СБ ООН серьёзности ситуации является важным улучшением британскими юристами доктрины гуманитарной интервенции, произведённым при разработке обоснования интервенции НАТО в Югославию в 1999 г. (Lowe, 2000:937–939).

¹⁶ Здесь и далее документы ООН приводятся по сайту Security Council Report (UN Documents for Syria). URL: <https://www.securitycouncilreport.org/un-documents/syria/> (дата обращения: 05.05.2023).

дународно-правовая система, также включают в себя уважение прав человека и достоинства и ценности человеческой личности», «защита этих прав является одной из целей ООН и международного права», **«международное право не требует, чтобы уважение суверенитета и целостности государства во всех случаях имело приоритет над защитой прав человека и человеческой жизни»**¹⁷.

– Обвинение правительства Сирии в попрании принципов и норм международного права, «обличение» его в *«грубых нарушениях международного права»*, в частности, нарушении *прав человека* (особенно женщин и детей), а также в применении *химического оружия* (далее также – ХО)¹⁸ *против собственного населения*, в частности в августе 2013 г.¹⁹, следствием чего стало наличие или приближение *«неминуемой гуманитарной катастрофы»*²⁰.

– Использование эффекта, оказываемого продолжением задействия терминологии **концепции R2P**: в документах, разрабатываемых Глобальным центром по вопросам обязанности защищать при Институте международных исследований им. Р. Банча в Нью-Йорке, *«обязанность защищать»* названа *«международной нормой»*²¹, единогласно принятой главами государств и правительств на Всемирном саммите в 2005 г.²² и направленной на *«предотвращение и прекращение геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности»*. Сирийское правительство *«не выполняет эту обязанность»* по отношению к своим гражданам, совершение им *«зверских преступлений»* (подразумеваются геноцид, преступления против человечности и военные преступления)²³ рассматривается как нарушение нормы *jus cogens*, концепция R2P предоставляет международному сообществу право вмешаться в целях прекращения или предотвращения совершения таких преступлений, а поскольку речь идёт об императивной норме общего международного права, этим могут оправдываться действия в том числе *«в случае отсутствия санкции со стороны СБ ООН»*²⁴.

США, может, и стараются в этом конфликте избегать буквального употребления термина R2P, но всё равно используют критерии и доводы, лежащие в основе обоснования правомерности этой концепции, в частности, применяют **«критерий нежелания или неспособности»** (*“the unwilling or unable test”*), а это, по сути, один

¹⁷ Memorandum submitted by Christopher Greenwood QC, November 22, 1999, para 14. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm199900/cmselect/cmaff/28/0020802.htm> (accessed: 03.05.2024).

¹⁸ Barack Obama warns Syria chemical arms a ‘game changer’. BBC News, 26 April 2013. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-22318749> (accessed: 03.05.2024).

¹⁹ См. резолюцию СБ ООН № 2118 от 27 сентября 2013 г.; Report of the UN Mission to Investigate Allegations of the Use of Chemical Weapons in the Syrian Arab Republic on the alleged use of chemical weapons in the Ghouta area of Damascus on 21 August 2013. S/2013/553. 13 September 2013. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/756814?v=pdf> (accessed: 03.05.2024).

²⁰ Доклад Генерального секретаря об осуществлении резолюции 2139 (2014) Совета Безопасности. 22 мая 2014 г. S/2014/365. URL: <https://docs.un.org/S/2014/365> (дата обращения: 05.05.2024).

²¹ Global Centre for the Responsibility to Protect. R2P Monitor, Issue 69, 1 June 2024. Ralph Bunche Institute for International Studies, New York. URL: <https://www.globalr2p.org/publications/r2p-monitor-issue-69-1-june-2024/> (accessed: 06.06.2024).

²² Резолюция ГА ООН № 60/1, пп. 138–140.

²³ Letter dated 22 January 2016 from the Secretary-General of the United Nations addressed to the President of the General Assembly and the President of the Security Council. Annex “Framework of Analysis for Atrocity Crimes”. A/70/741–S/2016/71. 16 February 2016. URL: <https://docs.un.org/A/70/741> (accessed: 16.03.2024).

²⁴ Williams P. R., Ulbrick J. T., Worboys J. P. Op. cit.

из основных принципов данной концепции²⁵ (*первый вариант* применения «критерия нежелания или неспособности» в отношении правительства Сирии). Более того, этот критерий получит своё дальнейшее развитие, будет адаптирован к меняющимся реалиям и сыграет немаловажную роль в легитимационном процессе на последующих этапах, уже не в качестве стандарта гуманитарной интервенции и R2P, а в другом самостоятельном блоке аргументов, связанных с *террористической угрозой*.

– Указанный выше аргумент о совершении сирийским правительством международно-противоправных деяний получает подкрепление доводом о том, что спровоцированный этим *поток беженцев* в соседние страны²⁶ (Иордания и Ливан) представляет собой «угрозу международному миру и безопасности», поскольку создаёт экономические и политические трудности.

– Интервенция осуществляется на основе «*согласия легитимного правительства*»: «Сирийский национальный совет» (оппозиция) политически признан США 12 декабря 2012 г. единственным «*легитимным представителем*» сирийского народа (Великобритания сделала это на несколько недель раньше – 20 ноября 2012 г., следуя примеру ряда других государств)²⁷.

После такого признания США могли бы рассчитывать на согласие Совета применить силу против Б. Асада (и его химического оружия), но в таком случае нужно, чтобы достаточно большое число государств отказалось продолжать признавать правительство Асада в качестве единственного легитимного представителя сирийского народа, также признание должно быть не просто политическим, а *юридическим*. Альтернативный подход заключается в признании оппозиции не просто «легитимным представителем» народа (но всё же негосударственной вооружённой группировкой), а в качестве «*фактического правительства*» Сирии. Тогда действия по оказанию помощи могут быть перекалифицированы в оказание поддержки сирийскому правительству²⁸.

Заявлялось также, что запрет на оказание поддержки оппозиционным группировкам не применяется в тех случаях, когда иностранные государства оказывают поддержку правительству, *вовлечённому в гражданскую войну*. Этот аргумент основан на *противоречии* поддержки правительства, теряющего власть, в разгар гражданской войны *принципу самоопределения*. Помощь в условиях гражданской войны, однако, разрешена в тех случаях, когда имело место «*контрвмешательство*» со стороны иностранного государства в поддержку другой стороны конфликта. Поэтому прорабатывался и сценарий ожидаемого вмешательства России в поддержку

²⁵ См. п. 139 резолюции ГА ООН № 60/1.

²⁶ Potential Cross-Border Assistance from Turkey to Syria. Syria Needs Analysis Project, April 2014. 11 p.

²⁷ Obama Recognizes Syrian Opposition Group. ABC News, December 12, 2012. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/OTUS/exclusive-president-obama-recognizes-syrian-opposition-group/story?id=17936599> (accessed: 03.05.2024); Syria conflict: UK recognises opposition, says William Hague. BBC News, November 20, 2012. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-20406562> (accessed: 03.05.2024).

²⁸ См.: Akande D. Self Determination and the Syrian Conflict – Recognition of Syrian Opposition as Sole Legitimate Representative of the Syrian People: What Does this Mean and What Implications Does it Have? Blog of the European Journal of International Law (December 6, 2012). URL: <https://www.ejiltalk.org/self-determination-and-the-syrian-conflict-recognition-of-syrian-opposition-as-sole-legitimate-representative-of-the-syrian-people-what-does-this-mean-and-what-implications-does-it-have/> (accessed: 03.05.2024); Akande D. Would It Be Lawful for European (or other) States to Provide Arms to the Syrian Opposition? Blog of the European Journal of International Law (January 17, 2013). URL: <https://www.ejiltalk.org/would-it-be-lawful-for-european-or-other-states-to-provide-arms-to-the-syrian-opposition/> (accessed: 03.05.2024).

сирийского правительства, которое позволило бы вмешаться в поддержку сирийской оппозиции²⁹. Этот же аргумент может, однако, использоваться и для оправдания помощи правительству в случаях, когда иностранное государство оказывает помощь оппозиционной группировке, в целях укрепления принципа суверенитета и территориальной целостности этого государства.

– Довод об осуществлении *права на самоопределение* подтверждён в п. 15 резолюции СБ ООН № 2139 от 22 февраля 2014 г.

Во-первых, международное право допускает поддержку государством *группировок, борющихся за самоопределение*, в том числе предоставление им оружия. Подтверждающая это практика государств сложилась в 1960-1970-е гг. в период деколонизации, получила поддержку в ряде резолюций ГА ООН: государства поставляли оружие и другую военную помощь национально-освободительным движениям, ведущим борьбу за самоопределение против колониальных или расистских режимов. Как заявляется, в настоящее время принцип самоопределения не исчерпан и не ограничивается борьбой с колониальным или расистским господством, таким образом, указанный аргумент распространяется на все случаи самоопределения. В Сирии сложилась ситуация, когда народ «стремится осуществить своё право на самоопределение», и поэтому «правомерно поддерживать легитимных представителей этого народа, в том числе оружием»³⁰.

Во-вторых, оппозицию в Сирии можно рассматривать как часть народа, которому политический процесс «не позволил достичь внутреннего самоопределения», тогда право на самоопределение может быть реализовано иными способами³¹, в данном случае *средством защиты права становится вооружённая борьба*³².

Дополнительные аргументы

– Использована ссылка на подчинение применения силы в Сирии требованиям *необходимости и соразмерности*, являющимся ограничителями любого применения силы.

– Напоминается о «*прецеденте*» *применения силы НАТО в Косово*: есть действительно «критические, хорошо обоснованные» случаи применения силы, на которые государства «должны идти, несмотря на формулировки Устава ООН», но их мало, и они не часто встречаются. Правительство США может, вероятно, справедливо полагать, что его не будут критиковать, если оно применит силу, чтобы «остановить неминуемое применение химического оружия диктатором против своих

²⁹ Akande D. Self Determination and the Syrian Conflict – Recognition of Syrian Opposition as Sole Legitimate Representative of the Syrian People: What Does this Mean and What Implications Does it Have? Blog of the European Journal of International Law (December 6, 2012). URL: <https://www.ejiltalk.org/self-determination-and-the-syrian-conflict-recognition-of-syrian-opposition-as-sole-legitimate-representative-of-the-syrian-people-what-does-this-mean-and-what-implications-does-it-have/> (accessed: 03.05.2024); Akande D. Would It Be Lawful for European (or other) States to Provide Arms to the Syrian Opposition? Blog of the European Journal of International Law (January 17, 2013). URL: <https://www.ejiltalk.org/would-it-be-lawful-for-european-or-other-states-to-provide-arms-to-the-syrian-opposition/> (accessed: 03.05.2024).

³⁰ Ibid.

³¹ См.: Supreme Court of Canada. Reference re Secession of Quebec, [1998] 2 S.C.R. 217. URL: <https://decisions.scc-csc.ca/scc-csc/scc-csc/en/item/1643/index.do> (accessed: 04.06.2024).

³² Akande D. Op. cit. (December 6, 2012).

граждан», невзирая на международно-правовые нормы (Simm, 1999:1, 22; Franck, 2002; Schachter, 1991:126)³³.

– Также задействуется аргумент о том, что «не существует практически осуществимой альтернативы применению силы» по причине блокирования деятельности СБ ООН³⁴. Заявляется, что после более чем годичных «тщетных дипломатических усилий» международное сообщество, похоже, «исчерпало все возможности». Череда мирных планов (таких как «План Кофи Аннана»), специальных посланников и санкций «не оказала никакого влияния на поведение режима Асада». Однако Совет Безопасности ООН «снова зашёл в тупик и неэффективен» в этом кризисе, поскольку Россия и Китай наложили вето на резолюции, «направленные на то, чтобы заставить режим Асада прекратить нападения на мирных жителей»³⁵.

В рамках первого блока аргументов можно выявить следующие задачи, которые должна была решить гуманитарная интервенция: 1) *узкая гуманитарная задача* – защита сирийцев от других химических атак; 2) *задача сдерживания* – сдерживание и ослабление потенциала дальнейшего применения химического оружия сирийским режимом. В рамках этой задачи в некоторых заявлениях США открыто обсуждаются два уровня сдерживания: *1-й уровень* – наказать режим Асада за применение ХО как сдерживающий фактор от его повторного использования и как предупреждение для будущих лидеров; *2-й уровень* – сдерживание гуманитарных нарушений в будущих конфликтах³⁶ (этот аргумент считается спорным даже в американских политических и научных кругах)³⁷. 3) Очевидно, что была поставлена и *масштабная задача* в виде свержения режима Б. Асада, для решения которой необходимо продемонстрировать «лучшую альтернативу» либо хотя бы план по её созданию, чтобы наглядно доказать, что «смена режима» может быть «приемлемой гуманитарной целью» (в качестве примера приводится режим геноцида в Руанде в 1994 г.). К тому же, если это правительство готово использовать химическое оружие, то единственный способ остановить его от дальнейшего применения – это убрать его (по аналогии с аргументацией при вторжении в Ирак в 2003 г. и в Ливию в 2011 г.).

Бывший юрисконсульт МИД Великобритании Д. Бетлхем заявил, что с учётом гибели и получения ранений многих тысяч людей в Сирии, миллионов беженцев и внутренне перемещённых лиц и наличия реальной перспективы значительного увеличения их числа в случае применения химического оружия, есть «серьёзные

³³ См. также: Deeks A. Syria, Chemical Weapons, and Possible U.S. Military Action. Lawfare, December 10, 2012. URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/syria-chemical-weapons-and-possible-us-military-action> (accessed: 03.05.2024); Akande D. The Legality of Military Action in Syria: Humanitarian Intervention and Responsibility to Protect. Blog of the European Journal of International Law (August 28, 2013). URL: <https://www.ejiltalk.org/humanitarian-intervention-responsibility-to-protect-and-the-legality-of-military-action-in-syria/> (accessed: 03.06.2024).

³⁴ Тоже по аналогии с Косово. Особенно это явно выражено в международно-правовой позиции Великобритании, но, на наш взгляд, с учётом некоторых допущений её можно рассматривать в одном ряду с американской позицией. См.: Prime Minister's Office. Policy paper. Syria Action – UK Government Legal Position (April 14, 2018), para (ii). URL: <https://www.gov.uk/government/publications/syria-action-uk-government-legal-position/syria-action-uk-government-legal-position> (accessed: 03.05.2024).

³⁵ Williams P. R., Ulbrick J. T., Worboys J. P. Op. cit.

³⁶ См.: S.J.Res.21 (introduced September 6, 2013) – Joint Resolution to Authorize the Limited and Specified Use of the United States Armed Forces against Syria, Section 2(4)(a). URL: <https://www.congress.gov/bill/113th-congress/senate-joint-resolution/21/text> (accessed: 15.07.2023).

³⁷ Verdirame G. The Law and Strategy of Humanitarian Intervention. Blog of the European Journal of International Law (August 30, 2013). URL: <https://www.ejiltalk.org/the-law-and-strategy-of-humanitarian-intervention/> (accessed: 03.05.2024).

основания считать гуманитарную интервенцию обоснованной причиной для любых действий». Хотя санкционирование СБ ООН на основании главы VII Устава ООН было бы предпочтительнее, это «не единственная доступная правовая основа для действий по устранению реальной и существенной угрозы применения химического оружия»³⁸.

По сути, Великобритания «пытается изменить действующее международное право», заявляя о своей международно-правовой позиции и ожидая реакции других субъектов международного права, которые, вполне возможно, тем или иным образом одобряют её мнение (даже молчаливо) или заявят о своей солидарности³⁹, тем самым способствуя формированию обычая как обоснования *ex post facto* (Crawford & Viles, 1994; Lowe, 2000:934). Делая заявление, которое «противоречит международному праву», она «парадоксальным образом действует в рамках системы международного права», настаивая на том, что её позиция уже сформирована в качестве международного обычая, и надеясь на то, что со временем это видение разделят и другие государства⁴⁰.

II. Аргумент о «совершении международно-противоправного деяния правительством Б. Асада» в виде «применения *химического оружия*», изначально прорабатывавшийся как основание для проведения гуманитарной интервенции (по терминологии концепции R2P это квалифицировано как совершение сирийским правительством военного преступления против собственного населения), параллельно получил развитие в виде основания для задействия права на **(коллективную) самооборону**⁴¹. Так, помимо *первого аспекта* довода о применении химического оружия в виде наличия *опасности для сирийского населения*, был задействован *второй аспект* в виде представления **«непосредственной угрозы национальной безопасности США и соседних с Сирией стран»**. Этот второй аспект был аргументирован следующим образом:

– применение химического оружия Сирией, скорее всего, затронет соседние (и дружественные) государства, в частности, Иорданию, Турцию, Израиль; в зависимости от географического места применения ХО и атмосферных условий отравляющее вещество может переместиться через государственные границы, и это будет считаться **«вооружённым нападением на соседнее государство»**;

– соседние государства могут учитывать готовность сирийского режима применить химическое оружие при анализе того, представляет ли будущая военная активность Сирии вблизи их границ **«непосредственную угрозу вооружённого нападения»** (например, если химическое оружие может распространиться за пределы сирийской границы), так что другое государство (государства) может действовать в порядке **«упреждающей самообороны»** (*preemptive self-defense*) как легитимной разновидности **«предвосхищающей самообороны»** (*anticipatory self-defense*);

³⁸ Bethlehem D. A Brief Reply on the Legal Bases for Intervention in Syria. *Opinio Juris*, in association with the International Commission of Jurists, December 08, 2012. URL: <http://opiniojuris.org/2012/12/08/a-brief-reply-on-the-legal-bases-for-intervention-in-syria/> (accessed: 03.05.2024).

³⁹ Milanovic M. Breaking: UK Government Discloses Legal Rationale for Syria Intervention. Blog of the European Journal of International Law (August 30, 2013). URL: <https://www.ejiltalk.org/breaking-uk-government-discloses-legal-rationale-for-syria-intervention/> (accessed: 03.05.2024).

⁴⁰ Akande D. *Op. cit.* (August 28, 2013).

⁴¹ The White House. Letter from the President – War Powers Resolution Regarding Syria. September 23, 2014. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/09/23/letter-president-war-powers-resolution-regarding-syria> (accessed: 03.05.2024); Deeks A., Daskal J., Goodman R. Strikes in Syria: The International Law Framework. *Lawfare*, September 24, 2014. URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/strikes-syria-international-law-framework> (accessed: 03.05.2024).

– в «национальных интересах» США необходимо: 1) обеспечить нераспространение оружия массового уничтожения (ОМУ); 2) защитить союзников (соседние и дружественные государства) и американские базы в регионе⁴². Эти задачи позволит выполнить доктрина «*предвосхищающей коллективной самообороны*» (*anticipatory collective self-defense*), особенно если соответствующие соседние государства уже *попросили США вмешаться от их имени*⁴³.

Параллельно с обвинениями сирийского правительства в жестоким обращении с собственным населением, в «неспособности и нежелании его защитить», а также с имеющейся вероятностью квалификации применения ХО в качестве «вооружённого нападения» на соседнее с Сирией государство, Вашингтон начинает подключать ещё один, более эффективный аргумент наличия *террористической угрозы (третий аспект)*, сочетание которых образуют качественно новое международно-правовое обоснование, апробируемое на исследуемом кризисе.

Таким образом, США заблаговременно осуществляли юридическую проработку следующих прогнозных сценариев развития событий: 1) Сирия готовится применить химическое оружие против собственных граждан (гуманитарная интервенция/R2P); 2) потенциальная квалификация применения Сирией ХО в качестве «вооружённого нападения на соседнее(-ие) государство(-а)» (коллективная самооборона) либо в качестве «непосредственной угрозы вооружённого нападения» (упреждающая коллективная самооборона); 3) химическое оружие Сирии попадает в руки террористов и экстремистов, например, такой группировки, как «Хизбалла»⁴⁴ (коллективная самооборона/упреждающая самооборона). Эти три сценария развития событий легли в основу трёх аспектов аргумента о применении химического оружия в качестве оправдания применения силы (рис. 1).

Третий аспект стал продвигаться особенно интенсивно на втором и третьем этапах развития кризиса с вовлечением «Хизбаллы» и активизацией «Исламского государства*». Начиная с 2014 г. обоснование применения силы наличием террористической угрозы было усилено доводом о необходимости *борьбы с ИГ**, а также группировкой «Вилаят Хорасан**» (состоящей, по сообщениям, из боевиков «Аль-Каиды***») ⁴⁵. Право на *коллективную самооборону* стало ключевым международно-правовым аргументом в пользу применения силы. Благодаря доводу о борьбе с терроризмом удалось заручиться *поддержкой других государств*, в частности, утверждалось следующее.

* Решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С его деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

** Структурное подразделение организации, признанной террористической решением Верховного Суда РФ от 29.12.2014 № АКПИ14-1424С.

*** Признана террористической организацией. Решение Верховного Суда РФ от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116.

⁴² Deeks A. Chemical Weapons in Syria: Enough to Justify the Use of Force? *Lawfare*, April 26, 2013. URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/chemical-weapons-syria-enough-justify-use-force> (дата обращения: 03.05.2024); *Idem*. Op. cit. (December 10, 2012).

⁴³ «Просьба Турции в рамках НАТО <...> о предоставлении ЗРК «Пэтриот» для защиты от риска применения химического оружия Сирией предполагает возможность обоснования *коллективной самообороной* военного вмешательства с целью устранения такой угрозы». См.: Bethlehem D. Op. cit. (December 08, 2012).

⁴⁴ Выступала одним из союзников Б. Асада.

⁴⁵ U.S. Suspects More Direct Threats Beyond ISIS. *The New York Times*, September 20, 2014. URL: <https://www.nytimes.com/2014/09/21/world/middleeast/us-sees-other-more-direct-threats-beyond-isis.html?hp&action=click&pgtype=Homepage&version=HpHeadline&module=b-lede-package-region®ion=top-news&WT.nav=top-news> (accessed: 03.05.2024).

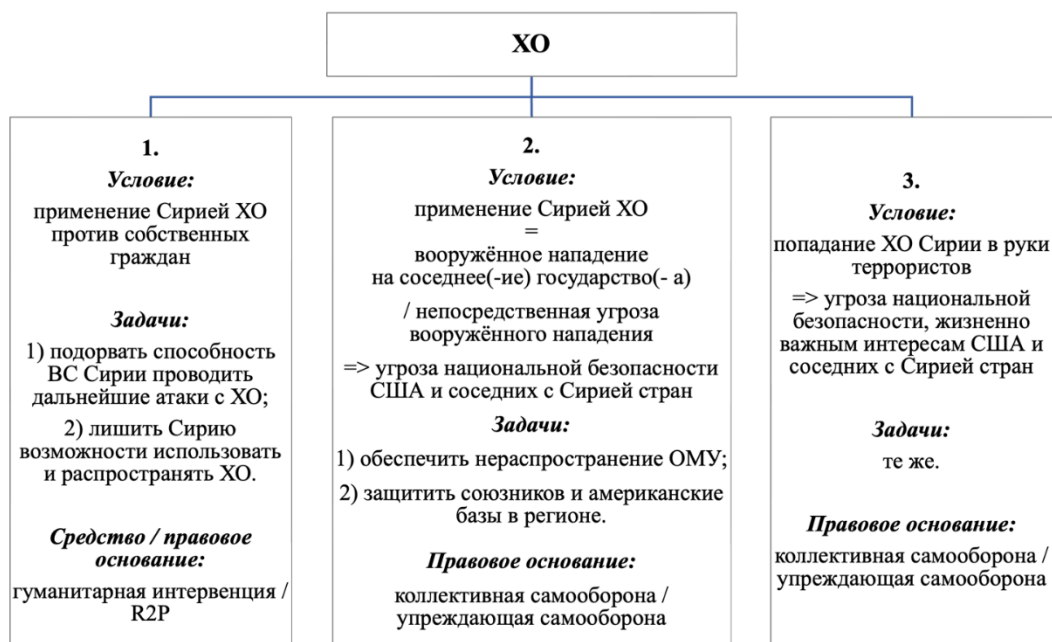

Рис. 1. Три аспекта довода о применении химического оружия, оправдывающего применение силы (на основе прогнозных сценариев)

Источник: схема разработана и создана А.М. Корженяк.

– Была создана «международная коалиция»: «к нам присоединились наши друзья и партнёры – Саудовская Аравия, ОАЭ, Иордания, Бахрейн и Катар», «Америка борется не в одиночку», «более 40 стран предложили свою помощь в этих всеобъемлющих усилиях по противостоянию террористической угрозе»⁴⁶.

– Помимо наличия *согласия и поддержки оппозиции*⁴⁷, в качестве обоснования приводится факт того, что сирийское правительство тоже «не возражало против ударов коалиции во главе с США против ИГИЛ*»⁴⁸.

Развитие аргументации в рамках «третьего аспекта» подпитывается рядом изобретательных международно-правовых концепций.

Во-первых, напоминается о *концепции «упреждающей самообороны»*, нашедшей отражение в так называемой «доктрине Буша», согласно которой США остав-

* Решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С его деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁴⁶ The White House, *Statement by the President on Airstrikes in Syria*. (South Lawn. September 23, 2014. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/09/23/statement-president-airstrikes-syria> (accessed: 03.05.2024).

⁴⁷ National Coalition of Syrian Revolution and Opposition Forces, Press Release “Airstrikes Against ISIS Positions Inside Syria” (September 23, 2014). URL: <http://en.etilaf.org/press/airstrikes-against-isis-positions-inside-syria> (дата обращения: 03.05.2024).

⁴⁸ Identical letters dated 25 May 2015 from the Permanent Representative of the Syrian Arab Republic to the United Nations addressed to the Secretary-General and the President of the Security Council. A/69/912–S/2015/371. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/794514?ln=ru&v=pdf> (accessed: 03.05.2024); (Bannelier-Christakis, 2016:750–751).

ляют за собой право, не ожидая совершения на них вооружённого нападения, «*превентивно напасть на любую страну, которая, по их мнению, представляет значимую угрозу их национальной безопасности*»⁴⁹.

Во-вторых, акцент делается на лежащей в основе концепции «упреждающей самообороны» *доктрине «неминуемой угрозы» (imminent threat)*, также иногда именуемой «*доктриной Обамы*» (Chesterman, 2011:282–284). Распространено мнение о том, что условие «неминуемости» делает «*упреждающую*» самооборону соответствующей международному праву и правомерной в отличие от концепции «*превентивной*» самообороны (не требующей наличия непосредственной угрозы) (Shiryaev, 2008:82–83; Brown, 2003:2–8). Критерий неминуемости и неотвратимости, по крайней мере в контексте боевых действий с участием террористических организаций, подразумевает «рассмотрение соответствующих возможностей для действий, оценку возможного вреда, который пропуск этих возможностей может нанести гражданскому населению, а также рассмотрение вероятности предотвращения будущих катастрофических атак на США»⁵⁰.

В этом контексте сделаны два концептуальных заявления: 1) если «Хизбалла» получит запас химического оружия, США будут рассматривать это как «неминуемую угрозу», учитывая, что «Хизбалла» уже совершала нападения на Соединённые Штаты; 2) США воспринимают и риск вооружённого нападения со стороны ИГ* как «неминуемую угрозу», поэтому они должны предпринять насильственные действия «до того, как эти нападения произойдут»⁵¹. Как мы видим, всячески подтягивается критерий «неминуемости», чтобы легитимировать «превентивные» действия, представив их в качестве «упреждающих», а значит – правомерных.

В-третьих, американцы продолжают продвигать *концепцию «односторонних военных действий против государств, угрожающих международной безопасности (rogue states)»*, являющуюся продолжением и более узким, точечным применением концепции «предвосхищающей самообороны», подчёркивая, что «некоторые нормы международного права не вполне применимы к современным вызовам» в виде, в частности, террористической угрозы или угрозы, исходящей от правительств, нарушающих права человека своих граждан⁵². Здесь мы наблюдаем ловкое возвращение к выделенному нами «первому аспекту», сопряжённому с доктриной «гуманитарной интервенции» и концепцией R2P.

В-четвёртых, например, Э. Дикс (входящая в состав Консультативного комитета по международному праву Госдепартамента США и в 2021–2022 гг. являвшаяся

⁴⁹ Speech of G. Bush given at the United States Military Academy West Point, New York, June 1, 2002. URL: <http://www.nytimes.com/2002/06/01/international/02PTX-WE.html> (accessed: 03.12.2022).

⁵⁰ Remarks of John O. Brennan “Strengthening our Security by Adhering to our Values and Laws”. Harvard Law School, September 16, 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/09/16/remarks-john-o-brennan-strengthening-our-security-adhering-our-values-an> (accessed: 03.05.2024).

* Решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С его деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁵¹ Deeks A. U.S. Airstrikes Against ISIS in Syria? Possible International Legal Theories. Lawfare, August 23, 2014. URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/us-airstrikes-against-isis-syria-possible-international-legal-theories> (accessed: 03.05.2024).

⁵² Prepared Statement of John B. Bellinger III “The Use of Force: Strategic, Political, and Legal Considerations”. Council on Foreign Relations, 2017. P. 6. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep29901> (accessed: 03.12.2022).

заместителем правового советника в Совете национальной безопасности) объединяет эти три указанные выше концепции в *теорию «национальной самообороны против неминуемой или постоянной (сохраняющейся) угрозы»*⁵³ как разновидность осуществления права на индивидуальную самооборону.

В-пятых, продолжается раскрутка *«критерия нежелания или неспособности»* – одного из основных принципов R2P. Заявляется, что согласно этому стандарту государствам разрешается применять силу против представляющих угрозу и ответственных за нападения негосударственных военизированных группировок на территории суверенных государств, если они «не хотят или не могут предотвратить использование своей территории» этими группировками⁵⁴. К этому обоснованию присоединились также Великобритания и Франция (Bethlehem, 2012)⁵⁵.

– Поскольку теперь речь шла прежде всего о военной операции против «Исламского государства*», при её проведении затрагивалась территория уже не только Сирии, но и Ирака (а затем и Ливии). Поэтому Вашингтон включил в механизм легитимации аргумент о том, что *правительство Ирака обратилось за помощью* в борьбе с ИГ*, следовательно, применение силы в Ираке оправдывается тем, что оно было осуществлено *с согласия и по просьбе иракского правительства*⁵⁶. Это позволило сконструировать новую теорию в виде объединения *«критерия нежелания или неспособности» с осуществлением права на коллективную самооборону с согласия и по просьбе правительства Ирака (второй вариант* применения «критерия нежелания или неспособности» в отношении правительства Сирии). Согласно этой теории, Соединённые Штаты помогают Ираку ответить на *«прямую и постоянную угрозу»*, исходящую от ИГ*, совершающего нападения в Ираке из безопасных убежищ в Сирии⁵⁷. Поэтому США утверждают, что им не нужно согласие сирийского правительства на нанесение авиаударов в Сирии, поскольку оно *«не может или не хочет»* бороться с ИГ* на своей территории. Эти авиаудары нанесены по районам, которые «больше не находятся под эффективным контролем сирийского правительства», они направлены против экстремистских группировок, которые «представляют непосредственную угрозу международному миру и безопасности»⁵⁸.

В-шестых, задействована *теория «защиты граждан США»* в Ираке в качестве дополнительного оправдания применения силы против ИГ* (менее убедительное обоснование, хотя и разрабатываемое в международно-правовой науке (Shiryaev,

⁵³ Deeks A. UK Air Strike in Syria (with France and Australia Not Far Behind). Lawfare, September 9, 2015. URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/uk-air-strike-syria-france-and-australia-not-far-behind> (accessed: 03.05.2024).

⁵⁴ A Letter to the Speaker of the House and President pro tempore of the Senate Consistent with the War Powers Resolution, February 27, 2021. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2021/02/27/a-letter-to-the-speaker-of-the-house-and-president-pro-tempore-of-the-senate-consistent-with-the-war-powers-resolution/> (accessed: 03.05.2024).

⁵⁵ См. также: Deeks A. Op. cit. (September 9, 2015).

⁵⁶ Letter dated 25 June 2014 from the Permanent Representative of Iraq to the United Nations addressed to the Secretary-General. S/2014/440. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/773863?v=pdf> (accessed: 03.05.2024).

* Решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С его деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁵⁷ См. резолюции СБ ООН № 2170 от 15 августа 2014 г., № 2178 от 24 сентября 2014 г.

⁵⁸ Ban Ki-moon. Remarks at the Climate Summit press conference (including comments on Syria). September 23, 2014. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2014-09-23/remarks-climate-summit-press-conference-including-comments-syria> (accessed: 03.05.2024).

2008:86–87), и, что примечательно, оно отсутствует в окончательном варианте письма, представленного в ООН)⁵⁹.

В-седьмых, повышению убедительности аргументации поспособствовала и так называемая *доктрина «тактики укола иглой»* (нем. *Nadelstichtaktik*, англ. *needle-prick theory / pin-prick doctrine*), также известная как *«теория накопления событий»* (*the accumulation of events theory*). Согласно этой доктрине, каждый конкретный террористический акт, хотя он и не может самостоятельно квалифицироваться как вооружённое нападение, может, принимая во внимание совокупность инцидентов, быть приравнен к вооружённому нападению, наделяющему государство-жертву правом ответить вооружённой силой (Shiryaev, 2008:95)⁶⁰. Так, заявляется, что военные действия были предприняты в ответ не на «единичное нападение», а на «продолжающуюся серию нападений», количество которых «увеличивается в последние месяцы», для «пресечения и сдерживания таких нападений»⁶¹.

III. Самым любопытным представляется объединение двух предыдущих блоков аргументов в аргумент в виде, по сути, нового вида гуманитарной интервенции – *«предвосхищающей (упреждающей) гуманитарной интервенции»* (*anticipatory (preemptive) humanitarian intervention*)⁶²), с одной стороны, в контексте геноцида, военных преступлений или преступлений против человечности (под которыми может подразумеваться применение ХО), в контексте *неминуемого* применения ХО (или оружия массового поражения в целом), а с другой – если есть достоверная информация о том, что ИГ* или группировка «Вилаят Хорасан**» планируют активные прямые атаки на США, то удары по ним могут быть оправданы в рамках теории *«упреждающей самообороны»* в сочетании с доказательством применимости к Сирии *«критерия нежелания или неспособности»*.

Заключение

Такое внушительное количество обоснований, направленных на международно-правовую легитимацию вооружённого вторжения США и их союзников в Сирию в 2014 г., в целом затмевают отсутствие формулирования Советом Безопасности ООН такой политики по урегулированию кризиса, осуществление которой могло бы быть обеспечено или поддержано путём вооружённого вмешательства, равно как и вывода о том, что неминуемая гуманитарная катастрофа может быть предотвращена путём применения силы и только путём применения силы.

⁵⁹ Deeks A., Daskal J., Goodman R. Op. cit.

⁶⁰ См. также: McLaughlin M. Detering the Next Invasion: Applying the Accumulation of Events Theory to Cyberspace. *Opinio Juris*, March 2, 2023. URL: <http://opiniojuris.org/2023/03/02/detering-the-next-invasion-applying-the-accumulation-of-events-theory-to-cyberspace/> (accessed: 28.02.2024).

⁶¹ Engel S. A. Memorandum Opinion for the Counsel to the President “April 2018 Airstrikes Against Syrian Chemical-Weapons Facilities” (May 31, 2018). U.S. Department of Justice, *Opinions of the Office of Legal Counsel in Volume 42*, pp. 1-22. URL: <https://www.justice.gov/olc/opinion/file/1067551/dl> (accessed: 03.05.2024).

⁶² Deeks A. Op. cit. (December 10, 2012); *Bethlehem D.* Op. cit. (December 08, 2012).

* Решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С его деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

** Структурное подразделение организации, признанной террористической решением Верховного Суда РФ от 29.12.2014 № АКПИ14-1424С.

Нами было предложено выделить три блока аргументов, развивавшихся на различных этапах развития конфликта, в качестве трёх ключевых обоснований применения силы: (I) *гуманитарная интервенция / терминология концепции «обязанности защищать»* – R2P (защита сирийских граждан); (II) *право на (коллективную) самооборону*; (III) *«предвосхищающая (упреждающая) гуманитарная интервенция»*.

Первый (I) блок включает в себя следующие аргументы: 1) предварительная оценка СБ ООН серьёзности ситуации; 2) расширительное толкование п. 4 ст. 2 Устава ООН за счёт апеллирования к совместимости с целями ООН; 3) обвинение правительства Сирии в «грубых нарушениях международного права», в частности, нарушении прав человека, применении химического оружия против собственного населения (*первый аспект* довода о применении ХО в виде наличия опасности для сирийского населения); 4) продолжение задействования терминологии R2P, в том числе развитие *первого варианта* применения «критерия нежелания или неспособности» в отношении правительства Сирии; 5) спровоцированный поток беженцев в соседние страны представляет собой «угрозу международному миру и безопасности»; 6) интервенция осуществляется на основе «согласия легитимного правительства» в силу признания оппозиции («Сирийского национального совета») единственным «легитимным представителем» сирийского народа с потенциалом признания в качестве «фактического правительства»; 7) осуществление права на самоопределение, оправдывающего оказание помощи оппозиции.

В качестве *дополнительных* усиливающих аргументов выступают: (1) подчинение требованиям необходимости и соразмерности; (2) «косовский прецедент»; (3) отсутствие иной практически осуществимой альтернативы применению силы по причине «блокирования деятельности СБ ООН» (исчерпание иных средств).

Второй (II) блок включает в себя следующие аргументы: 1) применение ХО Сирией может быть квалифицировано в качестве «вооружённого нападения на соседнее государство», что позволяет прибегнуть к *коллективной самообороне*, либо в качестве «*непосредственной* угрозы вооружённого нападения», что позволяет действовать в порядке «упреждающей самообороны» как одной из легитимных разновидностей «предвосхищающей самообороны», особенно если соседние государства уже попросили США вмешаться от их имени (*второй аспект* довода о применении ХО в виде представления «непосредственной угрозы национальной безопасности и национальным интересам США и соседних с Сирией стран»); 2) борьба с ИГ* и другими террористическими группировками (*третий аспект* довода о применении ХО в виде наличия террористической угрозы).

Второй аргумент во втором блоке подкрепляется доводами о (1) создании «международной коалиции», (2) наличии согласия и поддержки со стороны оппозиции в Сирии, (3) отсутствии протеста и возражений со стороны сирийского правительства, (4) наличии просьбы правительства Ирака оказать помощь в борьбе с ИГ*: согласие сирийского правительства не нужно, поскольку оно «не может или не хочет» бороться с ИГ* на своей территории (*второй вариант* применения «критерия нежелания или неспособности» в отношении правительства Сирии).

Примечательна апробация на сирийском кризисе сочетания всех трёх аспектов довода о применении ХО, образовавших качественно новое международно-правовое обоснование. Развитие аргументации в рамках «*третьего аспекта*» подпитывается

* Решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С его деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

при этом рядом изобретательных международно-правовых концепций: 1) концепцией «упреждающей самообороны», нашедшей отражение в так называемой «доктрине Буша»; 2) доктриной «неминуемой угрозы», лежащей в основе концепции «упреждающей самообороны» и иногда также именуемой «доктриной Обамы»; 3) концепцией «односторонних военных действий против государств, угрожающих международной безопасности»; 4) теорией «национальной самообороны против неминуемой или постоянной (сохраняющейся) угрозы»; 5) «критерием нежелания или неспособности» (включая вариант его объединения с осуществлением права на коллективную самооборону с согласия и по просьбе правительства Ирака); 6) теорией «защиты граждан США за рубежом»; 7) доктриной «тактики укола иглой», также известной как «теория накопления событий».

Самым любопытным представляется объединение двух предыдущих блоков аргументов в третий (III) блок в виде, по сути, нового вида гуманитарной интервенции – «предвосхищающей (упреждающей) гуманитарной интервенции». Усилению легитимационного эффекта способствовали резолюции СБ ООН, ГА ООН, документы СПЧ, а также воздействие на международное правосознание внутри США и государств-партнёров. Мощный легитимационный эффект оказало продолжение использования терминологии R2P, которая (несмотря на утверждения об обратном) пронизывает практически все релевантные документы ООН и аргументацию США.

Таким образом, глубокое исследование конкретных случаев разработки и практического воплощения зарубежными странами (прежде всего США) международно-правового механизма легитимации вооружённых вторжений на территории иностранных государств может не только обогатить отечественную международно-правовую науку, но и послужить источником или стимулом для разработки своих новаторских идей в целях повышения качества международно-правовой политики России, в том числе в ходе СВО на Украине. Анализ опыта других стран в конечном итоге нацелен на выявление закономерностей, которые позволят спрогнозировать их международно-правовые манёвры в будущем, а также изъянов, слабых мест и противоречий, которые должны быть учтены и использованы в стратегическом плане.

References / Список литературы

- Adams, S. (2015) *Failure to Protect: Syria and the UN Security Council*. New York, Ralph Bunche Institute for International Studies Publ.
- Bannelier-Christakis, K. (2016) Military Interventions against ISIL in Iraq, Syria and Libya, and the Legal Basis of Consent. *Leiden Journal of International Law*. 29 (3), 743–775. <https://doi.org/10.1017/S0922156516000303>
- Bethlehem, D. (2012) Self-Defense Against an Imminent or Actual Armed Attack by Nonstate Actors. *American Journal of International Law*. 106 (4), 770–777. <https://doi.org/10.5305/amerjintlaw.106.4.0769>
- Brown, C. (2003) Self-Defense in an Imperfect World. *Ethics & International Affairs*. 17 (1), 2–8. EDN: GVHDNT.
- Chesterman, S. (2011) “Leading from Behind”: The Responsibility to Protect, the Obama Doctrine, and Humanitarian Intervention after Libya. *Ethics & International Affairs*. 25 (3), 279–285. <https://doi.org/10.1017/S0892679411000190>
- Crawford, J. & Viles, T. (1994) International Law on a Given Day. In: Ginther, K., Hafner, G., Lang, W., Neuhold, H. & Sucharipa-Behrmann, L. (eds.) *Völkerrecht zwischen normativem Anspruch und politischer Realität: Festschrift für Karl Zemanek zum 65. Geburtstag*. Berlin, Duncker und Humblot Publ., pp. 45–68.

- Franck, T.M. (2002) What, Eat the Cabin Boy? Uses of Force that are Illegal but Justifiable. In: *Recourse to Force: State Action Against Threats and Armed Attacks. Hersch Lauterpacht Memorial Lectures*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 174–191.
- Hughes, D. (2019) How States Persuade: An Account of International Legal Argument Upon the Use of Force. *Georgetown Journal of International Law*. 50 (4), 839–946.
- Korzhenyak, A.M. (2024) Issues of Interpretation and Application of the Notion of “International Legal Legitimation”. *Moscow Journal of International Law*. (4), 162–183. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-4-162-183> EDN: RKOCPP.
Корженяк А.М. Вопросы толкования и применения понятия «международно-правовая легитимация» // Московский журнал международного права. 2024. № 4. С. 162–183. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-4-162-183> EDN: RKOCPP.
- Korzhenyak, A.M. (2025a) The International Legal Mechanism for Legitimizing the Intervention of the USA and other NATO Countries in Libya in 2011. *Journal of Law and Administration*. 21 (1 (74)), 111–123. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2025-1-74-111-123> EDN: HHVEGA.
Корженяк А.М. Международно-правовой механизм легитимации интервенции США и других стран НАТО в Ливию в 2011 г. // Право и управление. XXI век. 2025. Т. 21. № 1 (74). С. 111–123. <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2025-1-74-111-123> EDN: HHVEGA.
- Korzhenyak, A.M. (2025b) International Legal Legitimation of the 2011 Invasion of Libya: An Analysis of Foreign Approaches. *Journal of Law and Administration*. 21 (3 (76)), 30–41. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2025-3-76-30-41> EDN: RHGWJK.
Корженяк А.М. Международно-правовая легитимация вторжения в Ливию в 2011 году: анализ зарубежных подходов // Право и управление. XXI век. 2025. Т. 21. № 3 (76). С. 30–41. <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2025-3-76-30-41> EDN: RHGWJK.
- Lowe, V. (2000) International Legal Issues Arising in the Kosovo Crisis. *International and Comparative Law Quarterly*. 49 (4), 934–943. <https://doi.org/10.1017/S0020589300064757>
- Momani, B. & Hakak, T. (2016) Syria. In: Bellamy, A. J. & Dunne, T. (eds.) *The Oxford Handbook of the Responsibility to Protect*. Oxford, Oxford Handbooks, pp. 895–910.
- Schachter, O. (1991) *International Law in Theory and Practice*. Leiden, M. Nijhoff Publishers.
- Shiryaev, Y. (2008) The Right of Armed Self-Defense in International Law and Self-Defense Arguments Used in the Second Lebanon War. *Acta Societatis Martensis*. 3, 80–97.
- Simma, B. (1999) NATO, the UN and the Use of Force: Legal Aspects. *European Journal of International Law*. 10 (1), 1–22. EDN: INWALZ.
- Vylegzhanin, A.N. & Korzhenyak, A.M. (2025a) The mechanism of international legal legitimation of the 2003 U.S. armed invasion of Iraq: Lessons for the future. Part one. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. (1), 111–126. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.206> EDN: LOWPWU.
Вылегжанин А.Н., Корженяк А.М. Механизм международно-правовой легитимации вооруженного вторжения США в Ирак в 2003 году: уроки на будущее. Часть первая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. № 1. С. 111–126. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.206> EDN: LOWPWU.
- Vylegzhanin, A.N. & Korzhenyak, A.M. (2025b) The mechanism of international legal legitimation of the 2003 U.S. armed invasion of Iraq: Lessons for the future. Part two. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. (2), 370–386. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.206> EDN: WHQUZY.
Вылегжанин А.Н., Корженяк А.М. Механизм международно-правовой легитимации вооруженного вторжения США в Ирак в 2003 году: уроки на будущее. Часть вторая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. № 2. С. 370–386. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.206> EDN: WHQUZY.

Сведения об авторе:

Корженяк Анастасия Михайловна – кандидат юридических наук, научный сотрудник Лаборатории международно-правовых исследований, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; 119454, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

ORCID: 0000-0002-7162-2785; SPIN-код: 1499-5735; Scopus Author ID: 57394131300;
Web of Science ResearcherID: GNH-5752-2022
e-mail: mihkor@gmail.com

About the author:

Anastasia M. Korzhenyak – Candidate of Legal Sciences, Researcher at the Laboratory for International Legal Studies, Moscow State Institute of International Relations (University); 76, pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-7162-2785; SPIN-code: 1499-5735; Scopus Author ID: 57394131300;
Web of Science ResearcherID: GNH-5752-2022
e-mail: mihkor@gmail.com